

1. Кузины лужки

В сумерках за рекой на болоте приглушённо курлычет одинокий журавль. Ждёт свою журавушку с хлебных полей. И курлыканье это тревожное, ожидание одинокого журавля слышат все пасеки, расположенные вдоль соснового бора над Каном.

Пасека Таптуна поднята далеко над долиной реки. Зелёные и жёлтые ульи на высоких поддонах установлены по краю бора, в два ряда, на кулижке, чистой от травы. Вольное поле из трав и полевых цветов долгим и крутым склоном стелется прямо от ульев покато вниз до самого берега Кана. Там черёмуха, ольха и лоза густо заступают подход к реке.

Стояла в советское время в этих местах колхозная пасека. Пасечник Кузьма хозяйничал. С тех лет и зовётся это место «Кузины лужки». В наше время на месте омшаника — глубокая траншея, заросшая кустарником и ковылём, на месте дома и сараев — лысая пустошь, да сосны вековые сохранились.

В апреле пчеловоды приезжают на своих «Нивах» в Кузины лужки. Едут на внедорожниках по лесным прогалинам, когда лежит ещё снег в берёзовых лесах, а береговые луга уже оголились под жарким апрельским солнцем.

Хозяева летних пасек сжигают прошлогоднюю траву, расчищают и готовят тем самым место для ульев.

Огневой пал уничтожает клещей, которые расплодились и на пригородных дачах. После весеннего огневого пала, в мае, луговой склон зеленеет, оживает жёлтенькими одуванчиками! Самое время ставить пасеку в Кузиных лужках. Ульи с пчёлами привозятся ночью. За сутки до девятого мая. Традиция такая — отмечать День Победы на пасеке.

Зреет майский день. Несут пчёлы майский мёд, жёлтую и коричневую обножку — пыльцу с одуванчиков и вербы. Поднимается в рост иван-чай. Во множестве то там, то здесь торчат головками над рослыми травами в июле фиолетовые пучки репейника. Любит медовый репейник мохнатый шмель. Его в лугах много. Сиренево розовеет на стеблях душица в августе, золотится на солнце ковыль.

Дни в июне стоят чистые от облаков, бездонное голубое небо от края и до края дышит покоем и зноем. Гудит пасека от восхода и до заката солнца, трудятся пчёлы. Хвойная прохлада бора, эфирные запахи полевых цветов становятся хмельными и зримыми, и черпай этот воздушный горячий мёд горстями, и пей эту волшебную медовуху.

В завершение июля полевые травы сорят зрелым семенем. В лугах и вдоль полевых дорог, в пшеничных полях, тяжёлых уже колосом, в овсах сорняком поднимается и дружно начинает цвести жёлтым цветом молочай. Мёд с разнотравья — истинное золото, тяжёлый, звенит в медогонке при качке. Дают взятку таёжные медоносы, донник и люцерна в полях давно скошены. Медосбор в Кузиных лужках — до Ильина дня, второго августа.

Кузины лужки тесноваты для большого колхоза. Пасечники живут хуторами вдоль соснового бора. Домики напротив ульев не мешают соседством с пчёлами. Рядом крытые навесы летних кухонь. Дымокуры в мангалах. Гнуса нет в сосновом бору, плодятся комары у реки, в заболоченных низинах, в густой траве. Там от гнуса дышать нечем. В тихую погоду комары поднимаются от реки до пасеки на яру. Без дымокура из травы и сосновых шишек в мангале не обойтись. Кострами давно пасечники не пользуются. В дождливые ночи железные печки в вагончиках топят.

В этом году Таптун впервые пристроил к своему вагончику летнюю кухню. Для отдыха. В знойный день можно полежать. В вагончике духота. Комары в летней кухне не достают. Обедать удобно. Чай пить с душицей и мёдом. Пристройка летней кухни обтянута москитной сеткой, потолки накрыты целлофановой плёнкой, армейская кровать с ватным матрасом прибрана для красоты светло-ореховым покрывалом.

Стол, лавка, пара железных стульев для гостей. Пол земляной. В тени высокой, раскидистой кроной сосны в летней кухне прохладно. День яркий стоит, на небе ни облачка. Утром Таптун приезжал в Канск заправлять «Ниву». Забрал из города и меня на пасеку. Час уже у мангала топчется, варит борщ на свиных рёбрышках, которые купил утром на городском рынке.

Открывая сезон, в День Победы, девятого мая, жарим обычно шашлыки. Лето отодвинулось от весны далеко, сегодня решили сварить борщ. Берёзовые сухие полешки в мангале горят весело, облизывая языкастым жёлтым пламенем чугунный казан с мясом; вода вот-вот забулькает. Дым от огня в мангале тянется редкой куделью, растворяясь над пасекой в голубеющую прозрачную дымку. Таптун складывает в казан нарезанную картошку, свёклу, мелко крошит на доске морковь, в банке — домашняя квашеная капуста.

Я сижу в холодке под сосной, наблюдаю за пасекой. Напротив ульи стоят, в паре шагов от сосны. Пчёлы летают и плавно садятся к леткам ульев. Наслаждаюсь таёжными грибами за Каном, любуюсь холмистыми лесными отрогами Восточных Саян. Река Кан является природной границей с лесостепью. Порубежье.

У Адмирала на точке трещит оранжевая немецкая переносная электростанция. Работает двигатель на бензине, выдаёт электричество, в вагончике медогонка с электроприводом. Два вагончика ставит Адмирал каждое лето на чистой пустоши, под огромными старыми соснами в тени, на месте дома колхозного пасечника Кузьмы. Один вагончик — для проживания, второй вагончик — для медогонки. Уже неделю до темноты Адмирал качает мёд. Но живёт в человеке морская душа, как первая любовь. В советское время служил Володя Лебедев на подводной лодке «слушачом».

Полюбил океан. Поэтому он для товарищей — Адмирал. Девятое мая, День Победы, Адмирал встречает с Андреевским флагом над жилым вагончиком.

Таптун служил в армии авиационным механиком, при самолётах, на военном аэродроме. С Адмиралом они друзья детства. Крепкие друзья, каких поискать. У Таптуна над вагончиком девятого мая крепится вымпел Военно-воздушных сил. А между адмиральским хутором и летней кухней Таптуна, где-то в серёдке Кузиных лужков, привязан к ёлке длинный сухой сосновый шест, на конце которого в поднебесье гордо реет красное знамя Победы.

2. Пасечники

Одиноким хутором ныне стоять с пасекой за городом не принято. Опасно. Многолетняя дружба объединяет мужиков в артели, ставят пасеки рядом. Коммерсант Болганюк, владелец продуктового магазина в селе, и Володя Лебедев — из села Бражное, как и сам Таптун. Из года в год мужики-пасечники стоят вместе. Старик Мавлютов прибился к ним из деревеньки Анцырь, что за Канском, на правобережье. Давным-давно работал Мавлютов начальником газозаправочной станции. Таптун в советские годы был директором «Агроэнерго» Канского района; бывшие директора предприятий — добрые знакомцы четверть века. Поэтому старик Мавлютов не случайно прибился к бражинским пасечникам.

Мавлютов для своих семидесяти двух годов бегучий дед, говорливый. Одет он в спортивный немецкий костюм золотистого цвета, на босых ногах — просторные резиновые боты. Серебристый ёжик стрижен коротко, лицом старик Мавлютов чёрен от загара и внешностью смахивает на грека; ни минуты не сидит на месте: то полешки колет, то стол прибирает на летней кухне, чай с душицей готовит. Пока Таптун управляет борщом у мангала, на столе в летней кухне закуска появилась: свежие огурцы, копчёное сало. Рыбу и сало коптит старик Мавлютов здесь, на пасеке, он и коптилку соорудил в низине между вагончиком и сосновым бором. Костры ныне не разводят на пасеках. Сушь стоит в воздухе два месяца, таёжные пожары в крае на севере, рождённые

сухими грозами, для тушения пожары недоступны МЧС из-за отдалённости. Эти таёжные пожары на севере выжгли животный мир в медвежьих углах Красноярского края.

Времена лихие миновали, только вот власть сделалась лихой. Власть стала невидимая, как ядовитый газ, от которого нет спасения: набрала силу и задавила налогами и запретами всё живое, законом о «самозанятом» населении; того и гляди, и пасеки утробят. В городах порядку нет. Рядом с домом, где я живу в Канске, полицейский участок ночью замкнут и безлюден. В судах правды и защиты не ищи — нет их там. Не влияет прокурор и на общественную жизнь. Нет никакого контроля над чиновниками-казнокрадами. Воруют миллионами. Жизнь течёт по старинке: «С богатым — не судись, с сильным — не борись». Город Канск и зимой, и летом ночью будто вымирает, ни песен тебе в праздники, ни многолюдья на площадях. Поредел и покупатель на городских рынках; непомерно тяжело стало жить в России, обеднел народ. Сибирь никогда не ходила в лаптях. Не знала вольная Сибирь крепостного права. И ныне, в эпоху «буржуазной диктатуры», Сибирь живет непокорённой. Затаилась в грозном молчании, сосредотачивается.

Пока борщ не готов на огне у Таптуна, решили закутить. Пришёл Адмирал. Мавлютов расслабился и притих после чарки горилки. Смотрю печально за реку, слушаю тихий говор в застолье. Что ещё человеку надо для счастья?

Душа не принимает современную жизнь. Маётся душа, изнывает от безысходности и опрятной бедности. Многие годы рвётся душа в Магадан, блазнится ночью проехаться в кабине «Урала» пыльной гравийной Колымской трассой до посёлка Усть-Нера на Индигирке, где прожиты молодость и зрелые годы. Ах, как желается провести короткое лето, северное жаркое лето на вольных речках, впадающих хрустальными водами в Индигирку; рыбачить на этих речках, жить в таёжном зимовье, спать на бревенчатых нарах, ставить бражку — гнать вольно самогон в тайге; шугать зайцев и сохатых, которых в Якутии больше, чем таксистов в Москве. И топить в зимовье жестяную печку; сладко спать в тёплой таёжной избушке; сладко вдыхать во сне запахи сухих смолистых брёвен, наслаждаться отдыхом и влажной прохладой земляного пола человеческого жилья.

Борщ сварен, снят и поставлен на холодный второй мангал, который стоит рядом, накрыт решёткой и служит для посуды — кастрюль и сковородок. Обедать никто не торопится. Солнце ещё высокое. Перекусили. Работа с пчёлами в ульях идёт. Адмирал вынимает из верхних корпусов на ульях медовые рамки для откачки зрелого мёда, на освободившиеся места ставит в корпуса сушь — рамки с пустыми сотами, которые пчёлы заполнят товарным мёдом. Адмирал громко кричит издали, зовёт от своих ульев старика Мавлютова:

— Александрыч! Ты матку хотел поменять. Иди, дам матку в клеточке — вышла из маточника.

Непосвящённому не понять, о чём толкует Адмирал старику Мавлютову.

У Мавлютова одна пчелиная семья с весны плохая. Матка оказалась трутовкой: весь посев — трутневый. Чтобы не погибла пчелиная семья без расплода пчёл, Мавлютов изымал рамки с однодневным посевом из других ульев и подставлял в эту семью. Пчёлы трудились, заливали молоком, запечатывали ячейки воском. Таким образом поддерживался расплод семьи при трутневой матке. Менять трутовку надо было, конечно, раньше, но всё как-то полноценной пчелиной матки не было для посадки в улей. Так случается, когда пчелиная матка не оплодотворяется с трутнями при облёте; могла матка и не выйти из улья на облёт из-за случайного увечья, нанесённого пасечником при осмотре пчёл. Трутни в улье живут недолго, нужны они для спаривания с пчелиными матками, происходит это при облёте пчёл весной и когда пчёлы роятся с молодой маткой. После спаривания пчёлы выгоняют трутней из улья, их не кормят, поэтому вокруг улья подмор из трутней.

Мавлютов принёс сеточную клеточку с пчелиной маткой в летнюю кухню, где на столе пластиковая баночка с мёдом, прикрытая крышкой от вороватых пчёл. Пчелиной матке необходима еда в клеточке на то время, пока другая пчелиная семья не привыкнет к её запаху и пчелы не начнут кормить матку в клеточке. Концом ножа старик Мавлютов, капля за каплей, наполнил мёдом кормушку в клеточке с маткой. После чего прошёл к своим ульям, которые близко расставлены напротив его жилого вагончика. Снял с крайнего улья

крышку, отвернул уголок полочка из белой бязи, втиснул клеточку с маткой в промежность между медовыми рамками. Дней через пять станет ясно — приняли пчёлы или нет матку в клеточке. Если приняли, клеточка будет обсижена плотно пчёлами, кормящими матку. Можно матку выпускать, трутовку она сама убьёт. Но лучше, если сам пасечник выловит трутовку, что сделать непросто. Непросто, но можно.

3. Рыбалка

Отдыхаю душой на пасеке. И трёх жизней не хватит насытиться окружающим миром. Места дивные. Далеко внизу блестит стеклом протока Рахманиха. Тапун и старик Мавлютов там рыбачат, ставят сети, шумят вёслами по воде, гоняют рыбу в сетку. На уху всегда ведро наловят щук и окуней, не переводятся в протоке и плотва с ладонь, ленок и хариус. И невольно вспоминается Крайний Север.

В далёком теперь 1983 году сплавлился я в августе на байдарке по Индигирке. Выше посёлка Дружины, километров восемьдесят по реке, ежегодно рыбачат якуты и эвенки бригадами. В завершение светлого времени причалил к песчаному острову, заросшему чозенией — северной ивой; стояла там поодаль от берега и шестиместная брезентовая палатка. «Казанка» далеко выволочена носом на прибрежный песок. Пара деревянных ящичков от консервов поставлена на попа у притухшего костра, дымок сизый вьётся редкой куделькой из подёрнутых белым пеплов угольков. Одинокый старик сгорбился, сидит на ящичке, сложив крупные смуглые руки на колени, одет в телогрейку и ватные штаны, на ногах резиновые боты. Северное лето прохладное.

Рядом с кострищем полное ведро ухи из омуля. Гостя ждёт. Не говорит на русском старик, но речь мою понимает. К ночи приплыл к старику на «Крыме» его сын Димка из Белой Горы, за рыбой приплыл. Димка попросил меня утром помочь старику проверить сети, работая на вёслах в лодке «Казанке». Звался старик Лукой Соломой. Сын его не стал ночевать, загрузил лодку мешками с омулем и ушёл по ночной Индигирке вниз на Белую Гору. Утром поплыли с Лукой на моторе вверх по реке к сетям. Добывал Лука омуля для

рыбозавода; чебака крупного, размером с ладонь взрослого мужика, торчало в сетях много, старик его выкидывал как сорную рыбу; попросил я чебака для себя, раз такое дело, он согласно кивнул. Сняли мы в то утро и две нельмы, каждая рыбина размером мне до плеча достаёт, касаясь хвостом прибрежной гальки. Жил я на острове у старика Луки неделю. Сын его приплывал за рыбой каждые сутки, стал просить меня остаться и рыбачить со стариком, шибко я деду понравился понятливостью, рыбацкой умелостью и смекалкой. Но у меня была цель — дойти до бара Индигирки. Баром зовутся устья северных рек. Август уже стряхивал жёлтую хвою с северных лиственниц. Сусальной фольгой звенели на ветру уже и листья ольхи и чозении. Я спешил сплавиться на байдарке до Белой Горы. В Белой Горе речной флот Индигирского пароходства; до бара на байдарке не дойдёшь: река — что «сибир-море», — а на сухогрузе «Сибирский» добраться до бара Индигирки можно. Там древнее русское поселение Русское Устье. Двести чебаков я присолил, и они вялились на жердях рядом с юколой из омуля, которая жирно ершилась мясом от ножевых разрезов на дольки. Лука заготавливал юколу в большом количестве, вялилась юкола неделями на открытом ветру на жердях, которые он высоко расположил на подпорах вдоль песчаной косы острова. Жил я у Луки на острове и ломал голову, как вяленого чебака сбересть у Димки Соломы в Белой Горе, до моего возвращения на обратном пути в Усть-Неру. В один из дней подсел на косу острова вертолёт Ми-8 из Усть-Неры. Геологи Верхне-Индигирской экспедиции работали в районе Белой Горы, от них возвращались вертолётчики домой, подсели за рыбой. Бежит в лёгкой рубашонке на холодном ветру знакомый авиамеханик Володя Воробьёв; в кабине — при галстук и в наушниках — командиром Валера Зедгенизов; радостно смеётся, приветливо машет рукой; отдал пилотам всего вяленого чебака. В октябре возвращался из Чокурдаха грузовыми вертолётами через Мому в Усть-Неру. Местные рыбаки в Чокурдахе подарили мне «рыбу» — так зовут уважительно нельму в низовьях северных рек. Стояли уже холода, пришлось распилить рыбу ножовкой на куски и упаковать в мешок. И была отличная строганина из нельмы и омуля на моё тридцатилетие и к новогоднему столу.

4. Дядя Ваня

Жилой двухосный вагончик на колёсах старика Мавлютова — в десяти шагах от одноосного военного кунга Таптун. Вагончики в лесу на зиму не оставляют. После вывозки ульев в конце сентября, в первых числах октября Таптун тянет трактором «Беларусь» двухосный кунг в деревню. Трактор у Таптун свой. Ставит он кунг на огороде после копки картошки. В огороде стоят и ульи с пчёлами до первых морозов; зимуют пчёлы в омшанике.

В своё время ходить за пчёлами учился Таптун у дяди Вани Плющикова. Был тогда дядя Ваня в таких же годах, как ныне старик Мавлютов, фронтовик, слепой на левый глаз от ранения осколком при штурме немецкого укрепрайона нынешнего Калининграда. Крупный в кости и грузный в старости, дядя Ваня куда старше семидесяти лет тогда смотрелся.

После войны дядя Ваня работал до самой пенсии в Канском лесхозе. Кордон, где жил лесник аккуратно посередке прошлого века, был расположен в Копайгороде, неподалёку от речки Аманашки. Добрый дом, омшаник для пчёл, надворные постройки в связке. Удобное и прелестное жильё на кордоне дядя Ваня Плющиков построил своими руками. В те далёкие теперь уже годы дорога из Канска до деревни Тарая не была ещё отсыпана гравием. В дождливую погоду ЗИСы и полуторки едва выползали из долгого лога по грязи на верхние хлебные поля, копать приходилось под колёсами, сыпать песок, так и прозвали шофёры это гиблое место — Копайгород. Тракт от Канска до Тарая пробит просёлком в 1812 году, пробит в лесах просекой осуждёнными за разные провинности солдатами царской армии, пленными французами после войны с Наполеоном. Тарай строился на берегу Кана военным поселением, таким он и был долгое время: с казачьими урядниками, с осуждёнными солдатами на поселении.

Ныне от кордона лесника в Копайгороде осталась едва заметная пустошь. Пчёл дядя Ваня по-прежнему держал и с конца апреля до первого снега жил рядом с ульями на летних пасеках. «Агроэнерго» работало со всеми сельхозпредприятиями в Канском районе. Таптун, будучи директором, знал всех руководителей. Не сидел он в кабинете, ездил с

электриками-монтажниками, которые делали проводку электричества в новые фермы и коровники. Нередко сгорали в хозяйствах электродвигатели на насосах, приходилось снимать эти двигатели — ставить на их место рабочие, а сгоревшие электродвигатели увозились в цеха «Агроэнерго» на перемотку.

Июльским горячим днём и свернул Таптун свой «жигулёнок» чернильного цвета с гравийного большака на просёлок, ведущий на летнюю пасеку к дяде Ване Плющикову. Дядя Ваня качал мёд, только закончил, пил чай с душицей в своём «скворечнике» — так фронтовик звал укрытие от дождей.

Шибко понравилось Таптуну хозяйство дяди Вани в Копайгороде. Пасека поставлена высоко к лесному бору, который стеной стоял по краю пологого лога Копайгорода на западной стороне. На солнышке. Рядом с ульями на солнцепёке — лесок из десятка тенистых берёз, под которыми Таптун рассмотрел рыжеватые плетни из речной лозы. В закутках, разделённых между собой всё теми же плетнями из лозы, хрюкал кабанчик, рядом тянул к человеку свой мокрый нос пегий пятнистый бычок. Ещё дальше паслась на длинной верёвке стреноженная гнедая кобыла; в отдельном закутке клевали зерно куры-несушки. В тени раскидистых старых берёз стоял и трактор «Беларусь», рядом двухосная тележка-площадка для перевозки ульев. А в поле за пасекой — огород с огурцами на земле, грядки с луком и чесноком, росли здесь и редиска, и укроп. Тут же и капуста, уже набравшая силу, кочанов пятьдесят в рядах. Цистерна с водой четыре куба.

Под высокой ветвистой берёзой дядя Ваня поставил в тень жилой вагончик. В распахнутый дверной проём видны ульи. В вагончике прохладно; в жаркие полуденные часы приляжет дядя Ваня на топчан и наблюдает одним глазом за пчёлами. Кипрейное поле шестнадцать гектаров до гравийного тракта, до моста над речкой Амонашкой на дне лога. За логом, на буграх в совхозных полях, дышит в такое время мёдом золотистый донник, который со дня на день должны скосить. Зрелое лето. Управляющий совхозным отделением «Степняки» всегда предупреждал дядю Ваню, когда начнут косить донник. Чтобы пчёлы не погибали массово в мотовиле комбайнов во время косьбы донника, ещё

вечером, в темноте, дядя Ваня закрывал летки ульев. Запирал в ульях пчёл. Утром наблюдал за комбайнами на доннике, держал пчёл взаперти, пока комбайны косят. Ждал, когда комбайны уйдут с полей. После чего пасечник открывал летки ульев. И становилось темно над ульями в воздухе от гудящих пчёл, выпущенных из запертых ульев.

— А ты купи у меня пару колодок с семьями,— однажды предложил дядя Ваня Таптуну.— Будешь приезжать на выходные ко мне на пасеку, научу работать с пчёлами, разведёшь пасеку,— убедил он Таптуна.

Таптун давно подумывал о дальнейшей жизни при «капитализме». Столетие завершалось «перестройкой» жизни в СССР. Девяностый год. Совхозы и колхозы «капитализм» начал упразднять. Работать стало не с кем. Купил Таптун у дяди Вани десять ульев с крепкими пчелосемьями. Купил он у дяди Вани и трактор «Беларусь».

И повелась у Таптуна пасека. На свой усадьбе в селе Бражное Таптун построил омшаник. Предприятие «Агроэнерго» не закрывал в Канске до последнего вздоха. За пчёлами на летней пасеке в Копайгороде смотрел дядя Ваня, на выходные дни приезжал Таптун. Зимой дядя Ваня жил в благоустроенной квартире в Канске, в районе гидролизного завода. Старуха его умерла. Решил он переселиться в село Бражное, ближе к Таптуну. Купили дом дяде Ване на краю села, у реки. Стояла эта рубленая из брёвен изба обособленно от улицы. Красивый сибирский дом на высоком фундаменте, с четырёхскатной шиферной крышей. Выбор пал на эту усадьбу из-за крепких надворных построек для домашнего скота: есть катух овечкам и козам, зимний свиарник, хлев для кобылы с жеребёнком.

5. Курящий козёл Гена

Козла Гену купил дядя Ваня в октябре на пару с козой Зойкой. Белые как снег мастью, не старые для развода козлят. Коза была дойная. Молоко дядя Ваня любил, но корову содержать на усадьбе сил нет, стар стал. Коза, решил он, самая подходящая для молока скотина. Поехали они с Таптуном в Канск на блошинный рынок, где в выходные дни

торгуют живностью крестьяне из окрестных деревень. Козёл Гена сразу привлёк внимание Таптуна: хозяин прикурил сигарету и сунул козлу в зубы. Козёл привычно зажал сигаретный фильтр передними, крупными и жёлтыми, как зёрна кукурузы, зубами и стал попыхивать дымом от сигареты, как заядлый курильщик.

— А вон и коза,— заметил дядя Ваня привязанную к заднему бамперу «уазика» беленькую козу Зойку.

Не думали они покупать козла Гену, но хозяин упёрся и козу Зойку без козла не отдавал: семья, мол. Не стали разлучать козу Зойку с козлом Геней. Купили.

Коза Зойка оказалась с норовом, позволяла вымя выдоить только дяде Ване. Доить на коленях козу дядя Ваня уже не мог. Построил из сосновых досок «станок», куда заводил козу Зойку и где было удобно доставать козье вымя во время дойки. На усадьбе дядя Ваня дал волю козлу Гене; вольно обходила огород к зароду с сеном и коза Зойка. Днём вольно гулял и бычок на огороде, кобыла вольно ходила по ограде и огороду, куда на зиму затащили гусеничным трактором зарод сена на поваленной берёзе. Одним курицам воли не было: откармливал до ноябрьских праздников и отрубал курам головы. Всю зиму ел куриные супы. Кобылу дядя Ваня держал для развода жеребят на мясо, бычка — на откорм, тоже на мясо. Продавал мёд. Жил старик без нужды, имея пенсию фронтовика. Помогал дочери в Абакане, брату и племянникам в Канске. Но роднее всех всё же стал ему Валерий Семёнович Таптун.

В сумерках за рекой подал голос журавль. Курлыкал он надрывно, отчаянно звал свою подругу, и от этого курлыкания журавлиного становилось тревожно на душе и возникало желание подняться на крыло и лететь клином журавлиным в неведомые края. Банальные мысли, а чувство от этого журавлиного курлыкания щемящее, как долг, важное и тревожное, как жизненная задача.

— Это к дождю,— определил Таптун.

Ливень случится на рассвете. А пока держалось парное тепло, тихий, приглашенный свет вечерней зари тонул в кронах высоченных сосен над пасекой и жилыми вагончиками.

— Ужин готов,— напомнил старик Мавлютов.

Таптун стал наливать черпаком из казана борщ в алюминиевые чашки, я — относить эти чашки с борщом на стол в летнюю кухню. Мавлютов ушёл к себе в вагончик, вернулся он с неполной бутылкой самогона, настоящего на прополисе. Таптун налил в своём вагончике литровую кружку медовухи. Пасечник Таптун, мой давний и любимый друг, знает, что крепкий самогон на прополисе я не пью, на пасеке — только медовуху. В этот приезд я привёз и подарил Таптуну гармонь-хромку Шуйского горпромкомбината. Дома у меня собрались, в добрый час, три гармошки. Одну решил подарить другу. Пасека Таптуна без гармошки — это не пасека. И он это знал, и мы тянулись на пасеку к Таптуну отогреть душу русскими песнями под гармонь.

В сумерках откурлыкал уже и журавль, когда в бору обозначился шум мотора. На пасеках держат собак редко на привязи. Сука Муха жила при пасеке уже четыре года. Белая шерстью, без помарки, умная сука не залаяла на «Ниву», идущую к пасеке по лесной дороге между сосен.

— Кто-то свой, раз Муха не лает, — сделал вывод Таптун.

Мы уже выпили и закусили борщом и копчёным салом. Поднялись от стола, вышли встречать позднего гостя.

«Нива» Валеры Короля, с удлинённой рамой, с двумя дверцами, новая машина тёмно-синего цвета, в районе чуть ли не единственная такая. Народ покупает дорогие иномарки, годные лишь для асфальта. Король служит егерем в Тофаларском заказнике, который в Саянах. Перевалочная база заказника — в селе Ашкаул. Там и «Бураны», и катера, склады с имуществом. Круглый год Король с сыном Димкой хозяйничают на этой базе. Заказник в верховьях Агула в Саянах охраняется егерями из Иркутской области. Хозяйственной перевалочной базой Тофаларского заказника в Ашкауле заведует Димка Король. Парню нет и тридцати, после пединститута успел поработать в школе учителем истории. Помогал отцу на базе, в конце концов ушёл из школы и устроился простым егерем в заказник. Поступил учиться на заочное отделение в Иркутский сельхозинститут, на факультет охотоведения. Короля мы не ждали в такое время, знали: вчера он ещё был в верховьях Агула, на озере Медвежьем. Король благодарен Таптуну по гроб жизни. За помощь

в лихие девяностые, когда Тапун взял Короля на работу в «Агроэнерго» токарем. Там и появилась возможность клепать из моторных лодок водомёты. Король — механик-самочка. Между собой мы зовём Короля Кулибиным.

Муха кинулась лапами на грудь Короля. Обняли по очереди друга и мы. В Канске у Короля два гаражных тёплых бокса, это его мастерские. Король поставил там немецкий самогонный аппарат и выгоняет из браги по своему рецепту отменной очистки самогон. Много народу нынче занимается самогоноварением. Вынудила к этому даже не дороговизна водки, а её «палёность», частые отравления людей от «палёнки», а на пасеке без медовухи и прополисной самогонки никто не живёт. Король снабжал друзей. Мне он всегда говорил выпивши: «Николаич, люблю тебя. Ты нам нужен».

Король принёс к столу агульского тёмного солёного хариуса, бутылку самогона на прополисе. Любит Король гармонь. Но пока до гармошки не дозрели, захлёбываясь от восторга, Король рассказал, как он управлял частным гидросамолётом, когда его вывозил с озера Медвежьего его друг, пилот «Боинга», у которого целая коллекция самолётов на частном аэродроме под Красноярском.

Весь день и вечер до приезда Короля рядом, по соседству, стучал немецкий движок. Адмирал до позднего часа качал мёд медогонкой с электроприводом в специальном для этого вагончике. У Адмирала большая пасека. И каждый раз, бывая на больших пасеках, на ум приходит каторжный труд старателей на золотодобыче. Заработает старатель пятьсот тысяч за промывочный сезон, дорога на «материк» с Колымы обходится туда и обратно в сотню тысяч. На пасеке числом за пятьдесят колодок, занимаясь любимым делом, рядом с семьёй, пасечник получает мёду на миллион рублей. Мёд всегда востребован. Адмирал прекратил качать мёд, собрался ехать домой, в село Бражное, на кузовном «жигулёнке». Не отъехал, пришёл поздороваться с Королём, увёл его к себе в вагончик. Вернулся Король с трёхлитровой банкой мёда, поставил банку в «Ниву».

Помянули добрым словом дядю Ваню, терапевта Владимира Николаевича Парфёнова, который долгие годы держал у дяди Вани свои два улья пчёл; доктор бывал на пасеке

каждые выходные. Доктора мы любили. Построил Таптун и баню с парилкой на пасеке у дяди Вани. И при яркой луне сидели мужики возле бани, распаренные, на брёвнышке, рядом с кипрейным полем. Пели под гармонь сильные мужики песни, расслаблялись медовухой. Парились и отдыхали до рассвета. Прошло двадцать лет, годы и время смяли и дядю Ваню, и Парфёнова. Земля им пухом, помянули чаркой молча.

6. Земная слава

Курящего козла Гену я не видел. Не так часто мы общались с Таптуном последние десять лет.

Дядя Ваня, больной диабетом, лишился обеих ног. Дом в селе Бражное пришлось продать вместе с хозяйством. Дядя Ваня вернулся в городскую однокомнатную квартиру в районе гидролизного завода. Таптун купил для него кресло-каталку, помогал выживать как мог, но дядя Ваня начал пить. Пенсия у фронтовика была высокая, пьющая соседка носила ему водку, сама с ним пила. Умер от водки.

Доктор Парфёнов к семидесяти пяти годам умом стал простоват. Пил доктор всю жизнь много и постоянно. Встречая иногда Парфёнова в городе, я всегда давал ему сто рублей, он и выбегал на площадь Коростелёва в поисках денег на похмелку.

Но двадцать лет назад, когда не верилось, что гибнет СССР, мы были сильными, у каждого по сорок пять лет жизни за плечами. И какой жизни! Замечательной. Таптун имел два высших образования. Меня в тридцать восемь лет приняли в Союз писателей СССР, ещё студентом третьего курса в Литературном институте. В те годы я жил и работал в Якутии, на Индигирке. Парфёнов был известным терапевтом в Канске, которого уважали люди. Талантливый механик-самоучка Валера Король прибил в те годы в нашу компанию. И года не прошло — сделал по своим чертежам первый водомёт с «волговским» двигателем. И мы, кто выжили к порубежному времени, храним дружбу четверть века.

— Семёныч! Расскажи про курящего козла, — смеётся Валера Король.

Козла этого он видел, давал ему и покурить.

— Не поверишь, Николаевич,— повернулся ко мне Таптун.— Козёл настолько обнаглел, что стал наводить свои порядки на усадьбе у дяди Вани. То бычка отождмёт к забору, угрожая рогами, то кобылу в огород загонит. На Зойкин «станок» запрыгнет, шею дугой выгнет, рога выставит, глаза кровью наливаются. А борода у козла Гены как у старика Хоттабыча была. К тому времени уже и пара козлят от козла Гены у козы Зойки на дворе росли. Баловали козла Гену. Пока дядя Ваня не видит, давали ему сигарету курить,— смеётся Таптун.— Однажды капот моего «жигулёнка» копытами помял. Загнал я машину во двор, закрываю ворота. А козёл Гена — прыг на передний капот! Я и воротину бросил, кинулся его сгонять. Сигнал, закрыл ворота. Ходит следом, не отстаёт. Опять запрыгнул на передний капот. А зла уже нет на козла. Смеюсь. Козёл рогатой башкой машет вверх-вниз. Прикурил сигарету, сунул козлу Гене между зубов. Представляешь, картина: белый козёл с сигаретой в зубах дымит на капоте фиолетовой «копейки»?!

Мы все дружно ржём. Представили.

— И ведь курил козёл, как заправский мужик. Одного дядю Ваню козёл Гена и боялся.

В те далёкие годы Таптун постоянно ездил на «Жигулях»-«копейке» фиолетовой окраски, которая числилась за предприятием «Агроэнерго». В грязь Таптун заводил для поездки на пасеку свою личную белую «Ниву».

Таптун сочно рассказывал о курящем козле. Однажды дядя Ваня поменял гнедую кобылу на молодого белого жеребца. Не объезженный ещё жеребец-двухлеток. Дядя Ваня планировал сдать жеребца на Канский мясокомбинат. Бартером на колбасу. Да и время такое было, что зарплату людям выдавали унитазами, эмалированной посудой и иной производственной продукцией. Жеребец признал дядю Ваню. Но изумился наглости козла Гены, который стал наступать, угрожая острыми рогами вспороть брюхо жеребцу. Жеребец хватил козла Гену зубами за загривок да как мотнёт его в броске к забору. Козёл Гена и гонор потерял, вскочил — и прыжками в огород, к зароду сена. Бычок уже подрос, видел расправу над козлом Геной, тоже пошёл грудью на козла. Тот рысью сорвался — и к своей козе Зойке с

козлятами. Коза Зойка своего козла-деспота по-своему усмирила, боднув его слегка в бочину. Присмирел козёл Гена.

— Так и проходит земная слава! — подвёл черту под рассказом Таптун.

Он видел эту сцену с жеребцом и козлом Геней.

До гармошки-хромки руки всё-таки дошли. Удивительной нежности звуки — две с половиной октавы — в умелых руках Таптуна не позволили нам и рта открыть. Обошлось без частушек. Музыка звучала грустной и душевной мелодией. Рождалась эта музыка и лилась из души человека, рождалась талантом гармониста и гармонью! И не было желания нарушать этот божественный звук фронтальной хромки. И слышно было в сумерках — за рекой, далеко за Каном, в предгорьях Саян, эхом гуляет русская гармонь. Гуляет широко, по-русски. И вольно, раскатисто возвращается одинокая гармонь эхом по воде к пасеке над рекой.

На соседних пасеках перестали брехать собаки. Повеяло осенней прохладой из сумеречных таёжных грив. На землю незаметно опустилась тёмная ночь. В летней кухне, пристроенной к кунгу, светло от светодиодной ленты, подключённой к автомобильному аккумулятору. Приглушённо гомонят за столом хмельные мужики. Гомонят каждый о своём. Гомонят о жизни. Я ушёл в вагончик Таптуна. В боковое окно видна пристройка летней кухни, мужики за столом. Звук из кухни не проникает в вагончик. Я топлю берёзовыми полешками железную печурку.

На рассвете часто и дробно застучал дождь крупными каплями о железную крышу кунга. Спят мои товарищи-пасечники мертвецким сном в своих домиках на колёсах. В вагончике жарко от печурки. Таптун спит на своём диванчике, раскинувшись, на спине, дверь распахнута, за тюлевой шторкой угадывается рассвет.

Не сплю, просто лежу, слушаю шум дождя. Жизнь.